

РАСШИРЕНИЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА ПРАВОСУДИЯ: НА ПУТИ К ПРЕОДОЛЕНИЮ ГЛОБАЛЬНОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

Все более широко обсуждаемая в последнее время в социогуманитарных науках глобальная нестабильность характеризует ситуацию цивилизационной ловушки глобализации, когда с потребностями и тенденциями к более тесной экономической, социальной, культурной, правовой и технологической интеграции соседствуют противоположные процессы и явления, отражающие фрагментацию, как бы расслаивание современного мира. Дисфункциональность, пробуксовка традиционных институтов международного права и сотрудничества, системные сбои в обеспечении финансовой и экологической устойчивости экономического развития, торговые и санкционные войны, усиливающееся социально-территориальное неравенство, провалы мультикультурализма, кризис социальной и индивидуальной идентичности – эти и другие подобные им не менее серьезные проблемы являются приметами века, в котором неизжитое ортодоксально-инерционное стремление к силе приходит в столкновение с возрастающим резистентным запросом на справедливость.

Пожалуй, именно конфликт между идеями силы и справедливости является главным, центральным противоречием современности, позволяет вскрыть суть глобальной нестабильности. С одной стороны, очевидно, потестарная концепция так называемых отодвигаемых рубежей (падение одного провоцирует на взятие другого) привела к выраженным системным коллапсирующим эффектам, продемонстрировала уязвимость и порочность попыток обустройства цивилизации вне рамок институционального инклюзивного диалога. С другой – при отсутствии отработанных вновь созданных механизмов балансирования

транснациональных и государственных интересов, сдерживания глобального произвола, беспрецедентных по масштабу актов спонтанной агрессии и драматического крушения мечты о конце истории существуют предпосылки к реновации авторитарной парадигмы. Симптоматично, что дефицит договороспособности в международных отношениях компенсируется усилением военно-политической риторики, явно не способствующей мирному урегулированию. Более принципиальным в концептуальном плане является стремление увязать саму идею новой стабильности с укреплением роли государства на международной арене и во внутренних делах, что, как ожидается, поможет поиску разумных компромиссов. Этот внешне привлекательный своей исторической преемственностью и в известном смысле спекулятивно-популистский подход требует крайне осторожных и взвешенных оценок.

Само государство в современных условиях приобретает ценностное значение фактора укрепления международного правопорядка лишь в том аспекте, в каком оно способно институционализировать идею справедливости. Это предполагает, с одной стороны, последовательное увязывание самой идеи государственного суверенитета с гуманистическим измерением. Смысл государственного суверенитета – не формальная легитимация политической воли господствующей социальной силы, а ограждение свободы от произвола, защита слабого от сильного. С другой стороны, понимание государства как политико-юридической формы обеспечения справедливости предполагает недопустимость сведения его существа к моментам централизации, властвования, принуждения. Необходимо его осмысление с позиции инфраструктуры достижения гражданского согласия и мира. Отсюда – принципиальная ориентация на благоприятствование децентрализации, субсидиарности, развитию инструментов активного вовлечения и представительства широкого круга социальных групп, коллективов, слоев в формирование и реализацию

целей устойчивого развития на локальном, общегосударственном и наднациональном уровнях.

Идея справедливости онтологически и функционально коррелирует с идеей правосудия, которое выступает процедурной формой и материализованным, объективированным итоговым выражением справедливости. Именно правосудие определяет границы властвующей силы, как политической, так и экономической по своему характеру, призвано определять должную, т.е. разумную и равную, меру свободы против произвола, меру необходимости.

Парадокс современного мира – острый дефицит правосудия в эпоху судов. В самом деле, глобализация права и экономика привела к конвергенции правовых систем с ориентацией на восприятие «живого» права и отрыла своего рода эпоху судов, которые давно превзошли традиционные функции глашатаев законодателя, стали субъектами формирования правовой политики. При этом в условиях расширяющейся аномии и энтропийных процессов в правовых системах, столкновения формально-правовых и иных по типу средств нормативной регуляции, реальным источником упорядочения общественных отношений оказалось формируемое главным образом в юрисдикционных процедурах судебное право в виде казуально-ситуационных, прецедентных норм. Вместе с тем налицо и острый дефицит как институционального, так и материально-реализационного правосудия, которое пока не получило глобальных (общепланетарных) форм, сталкивается с политизирующими последствиями кризисов социокультурной детерминации и легитимации на региональном уровне, испытывает на себе деформирующее воздействие последствий конкуренции наднационального и государственных правопорядков.

В образах квазиюрисдикционных структур в институциональной системе ООН (девять комитетов и один подкомитет, контролирующие

выполнение соответствующих обязательств, вытекающих из договоров по правам человека), наднациональных судов (Европейский Суд справедливости, Европейский Суд по правам человека, Суд Евразийского экономического союза и др.) правосудие формально возвысилось над властно-силовой составляющей государства, но пока не обрело отличной от данной составляющей собственной прочной легитимности. Развитие институциональных форм правосудия внутри государственных систем также демонстрируют всю сложность, противоречивость утверждения юстиционного эквивалента справедливости в его соотношении и различии с принудительно-властными обеспечительными моментами. Классический позитивизм рассматривает правосудие с сугубо государственно-властных позиций. Но государство не обладает монополией на справедливость, которая нуждается во все более профилированных и приближенных к самим субъектам гражданского общежития примиряющих юрисдикционных процедурах. Во многом именно с разрешением данных противоречий, отпочкованием правосудия от идеи властвующей силы связано в конечном итоге преодоление глобальной нестабильности, для которого необходимыми условиями являются и рациональный авторитет суда, и казуальная гармонизация интересов, и мягкое социально-рефлекторное нормообразование.

Выражая решимость Объединенных Наций создавать условия, при которых могут соблюдаться справедливость и уважение к обязательствам, вытекающих из международного права, Устав ООН оговаривает особую ценность применения для разрешения споров переговоров, посредничества, примирения, арбитража, судебного разбирательства или иным мирным средствам (преамбула, пункт 1 статьи 33). Значение альтернативных юрисдикционных процедур для умиротворения спорящих сторон, как на международном, так и на внутригосударственном уровнях,

признается во многих конституционных актах зарубежных стран (Австрия, Германия, Ирландия, Италия, Индия, Киргизия, Малайзия, Пакистан и др.).

Расширение институционализации альтернативного правосудия – свидетельство того, что свойственный прежним историческим эпохам властечетрический подход смещается в сторону самоорганизации. Это соответствует возрастающей степени сложности и неустойчивости современной цивилизации, а также гуманистическому началу самих глобализационных процессов, ориентированных универсализацией индивида, его интересов, потребностей, прежде всего социально-экономических, и его приматом перед государством. Новая стабильность иррелевантна централизации и предполагает широкое и непосредственное вовлечение гражданского общества в решение вопросов обеспечения социально-экономической устойчивости.

Современный европейский конституционализм отражает стремление к развитию пространства правосудия на основе расширения его альтернативных форм. Укрепление альтернативно-судебных институтов рассматривается как фактор повышения доступности правосудия, ценность которого раскрывается в системном единстве с достижением целей по поддержке и развитию пространства свободы и безопасности. Так, еще в октябре 1999 г. Европейский Совет на встрече в г. Тампере призван государства-члены создать альтернативные внесудебные процедуры. В мае 2000 г. принял заключение по альтернативным способам разрешения споров в гражданском и коммерческом праве и заявил о том, что установление в этой сфере основных принципов – необходимый шаг на пути к развитию и нормальному функционированию внесудебных процедур урегулирования споров в указанных делах, упрощающих и улучшающих доступ к правосудию. В апреле 2002 г. была выпущена Зеленая книга об альтернативных способах разрешения споров в гражданском и коммерческом праве, которая подвела итоги сложившегося

положения в отношении альтернативных способов решения споров в Европейском Союзе. В 2008 г. и 2013 г. появились директивы Европейского парламента и Совета Европейского Союза в отношении альтернативного разрешения споров.

Расширение институционального пространства правосудия за счет развития альтернативных способов служит важным фактором его юстицификации, повышения степени его легальной справедливости и демократической легитимности, является выражением актуального цивилизационного запроса на справедливость. Важно понимать, что правосудие как динамическая форма справедливости призвано обеспечить рационализацию данной идеи, ее демистификацию. Запрос на справедливость во многом связан с социальной мифологией, парадистскими исканиями, а неудачи в обретении социальных идеалов не обещают долгой прочности существу идей. Ценность правосудия не в том, что оно олицетворяет монопольную аристократическую силу над обществом, которая формирует метафизическую истину, а в том, что оно являет собой процессуально-рационализированный инклюзивно-состязательный диалог в отношении социально значимых коллизий. Позволяя обществу спорить о праве и достигать в этом споре справедливости, правосудие, чем более широкое пространство форм реализации оно приобретает, позволяет тем полнее обогатить, насытить саму идею справедливости конкретно-нормативным и регулятивно-прикладным содержанием, делает общество подлинным субъектом правовой рациональности.

Расширение пространства правосудия должно рассматриваться в качестве стратегического приоритета развития современной цивилизации. Необходим глобальный диалог по вопросам правосудия и альтернативных форм его реализации в современных условиях, формирование минимальных стандартов, ориентированных как внедрением

альтернативных юрисдикционных процедур, так и необходимостью приверженности верховенству права, которое должно в полной мере связывать частные формы правоприменения.

В условиях сложных геополитических и геоэкономических противоречий современности участие России в развитии альтернативных форм правосудия в целях институционализации идеи справедливости на международном уровне в качестве ключевого фактора преодоления глобальной нестабильности имеет важное как утилитарно-экономическое значение (в плане расширения инвестиционной привлекательности, создания комфортного бизнес-климата), так и важное мировоззренческое значение, связанное с легитимацией отстаиваемых Россией национальных интересов. Меры, принимаемые Россией в сфере альтернативных юрисдикций, демонстрируют признание их высокой ценности. Но нельзя не видеть стремление государства занять патерналистскую и охранительную позицию. Но централизация, бюрократизация, дискреционный административный контроль нивелируют альтернативные средства правосудия и выхолащивают его идею. Напротив, проектирование и отстаивание Россией на международной арене минимальных принципов альтернативного правосудия, последовательное внедрение широкой автономии юрисдикционных процедур в национальном правовом порядке позволит внести серьезный вклад в глобальный консенсус и национальное развитие.